

Юн Шань с нетерпением ждал, когда братья закончат выводить слово на бумаге, внимательно наблюдая за каждым движением. Наследный принц как раз смотрел на Юн Линя, когда тот, словно покончив с самым сложным делом из всех, что ему доводилось выполнять, облегчённо выдохнул и отбросил кисть, после чего вскочил с места. Юн Линь даже не подумал дожидаться, пока Юн Ци отойдёт от него. Растягивая губы в едва заметной улыбке, он сказал:

— Вот уж не думал, что старший брат Юн Ци не только может так красиво писать слово «тихо», но ещё и меня научить этому!

Подойдя к столику, Юн Шань уселся за него и, аккуратно взяв в руки кисть, повернул голову и поглядел на поражённого Юн Ци:

— Может, ты смог бы научить и меня тоже?

Юн Линь как раз хотел тихонько уйти, потому он поспешно собирал свои записи, надеясь по возвращении показать их матушке, однако, услышав слова Юн Шаня, юноша в недоумении повернул к нему голову и изумлённо спросил:

— Разве тебе нужна помощь в написании иероглифов? Матушка постоянно твердит, что твои иероглифы в десять раз лучше моих.

Юн Шань, заметно помрачнев, прервал слова Юн Линя:

— Почему ты такой надоедливый? Ты и так целый день провёл в моём кабинете и всё ещё здесь вместо того, чтобы скорее вернуться к матушке! С завтрашнего дня я повелеваю тебе оставаться у матушки и тренироваться в каллиграфии. А как только у меня появится свободное время, то я обязательно проверю, как ты стреляешь из лука, сидя на коне.

Услышав, как старший брат его отчитывает, Юн Линь слегка растерялся и лишь выдавил робкое: «Слушаюсь», а затем он схватил в охапку свои записи и спешно покинул кабинет брата.

Юн Ци всё ещё стоял на месте как вкопанный.

Юн Шань ждал какое-то время, но в итоге не сдержался и, полный злости, уже хотел было начать угрожать старшему брату, но, повернув голову и увидев оцепеневшего Юн Ци, остановился. Силой подавив весь тот гнев, что охватывал его душу, Юн Шань ни с того ни с сего опечалился. Мягко отложив кисть, он со вздохом сказал:

— Ты, как старший брат, слишком несправедлив. Незачем относиться по-разному к двум одинаковым братьям.

Юн Ци услышал в словах Юн Шаня явные нотки обиды, словно тот вновь стал капризничать, что, надо признать, случалось крайне редко. Он осторожно поглядел на него, но в глазах всё равно читалось недоверие, и от этого невозможно было избавиться так просто. После небольшой паузы Юн Ци прервал тишину, придавая голосу приятных нот:

— Твои навыки каллиграфии действительно лучше моих, к чему мне тебя учить? Ты решил так потешиться надо мной? — Юн Ци медленно наклонился и вновь нахмурил брови: — К тому же, ты не взял кисть, как я буду учить тебя?

Юн Шань резко обернулся: в его глазах читались удивление и радость.

Заметив этот взгляд, Юн Ци почувствовал, как сердце забилося быстрее. Его охватила легкая неловкость, он, притворно кашлянув, отвернулся и старался больше не смотреть на Юн Шаня. Он опустил взгляд на бумагу и крепко обхватил руку младшего брата, в которой тот держал кисть, а затем начал мягко её направлять:

— Я пишу, как старший сын императора, а ты, как великий князь. Наше мастерство каллиграфии уже отличается. Императорский наставник обучал меня писать по очень сложной системе, больше обращая внимание на последовательность написания. Слово «тихо» следует писать ровно и не торопясь, чтобы в нём угадывалось значение покоя и тишины, и это очень сложно. Даже у меня это слово не очень хорошо получается.

Кончик кисти двигался очень мягко, плавно скользя по бумаге.

На белоснежном полотне постепенно появлялось слово «тихо».

Юн Шань глядел на бумагу, но ничего не видел.

Его рука была в руке Юн Ци, и белоснежный тонкий указательный палец слегка сжимал его палец, а мягкая и нежная ладонь осторожно прижималась к тыльной стороне ладони Юн Шаня.

Сам же Юн Ци стоял сзади, крепко обняв младшего брата.

Запах Юн Ци дурманил, а его голос будто окутывал своим волшебством.

Юн Шаню очень хотелось, чтобы это слово было не единственным — он желал, чтобы то, что они делали, оказалось самой толстой на свете книгой, написание которой ушли бы годы. Он был согласен исписать всё до последнего листа, лишь бы оказаться в объятиях Юн Ци. Израсходовать всю тушь в мире, всю бумагу украсить своим почерком, но дописать книгу до конца!

Но, к сожалению, это было всего лишь одно слово. Кончик кисти, сделав несколько плавных

движений, через какое-то мгновение остановился, словно пламя, которое загорелось и тут же потухло, оставив после себя лишь красиво написанное слово.

Как только последний штрих был сделан, Юн Ци разжал ладонь и выпрямился, всё так же находясь за спиной Юн Шаня:

— Я никудашный учитель, наследный принц теперь может насмехаться надо мной.

Рука старшего брата больше не держала его руку, позволив холодному дыханию зимы стереть чужое тепло с кожи Юн Шаня. Наследный принц сидел молча, всё так же крепко сжимал кисть в руках, не желая расставаться с ней, но в конце концов его пальцы всё же расслабились и выпустили её из плена.

Поглядев на слово, что сейчас красовалось чёрным цветом на белой бумаге, Юн Шань тихим голосом заговорил, заставив Юн Ци внимательно вслушиваться в его слова:

— Тебе нужно немного задержаться здесь со мной, так как ещё и половины не сделано из того, что написал Юн Линь, я...

Его «я» словно застряло в горле. Замерев на половине, юноша не мог произнести оставшуюся часть предложения. Юн Ци хранил молчание, слушая голос Юн Шаня, но тот так и не осмелился продолжить говорить.

Повисла тишина, двое братьев умолкли — один стоял, другой сидел. Юн Шань не видел лица Юн Ци, а Юн Ци не видел его. Даже их затаившееся дыхание было едва слышным.

Эту почти звенящую тишину нарушили шорохи и осторожные шаги, которые доносились снаружи.

— Ваше Высочество, — Чан Дэфу неторопливо открыл дверь кабинета и вошёл, с поклоном оповещая господ: — Ужин уже готов.

<http://bllate.org/book/13372/1189564>